
Эвелина АЗАЕВА

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Рассказ

Они летели квадратом, а вместе с ними, в правом нижнем углу, летела она, журналистка Лида Сиверцева. Нет, надо объяснить... Представьте себе сумеречное небо. Ночное, но когда оно уже не черное, а сизо-серое, каким обычно бывает часам к четырем утра. Прохладное, промозглое небо... И по нему несутся несколько душ... Лида не разобрала, сколько именно, может, шесть, может, девять, может, двенадцать... Они почти невидимы (серые сгустки), но они есть. Она слышит, как они переговариваются... Выстроены почему-то в квадрат, по всем сторонам которого — странные сущности. Маленькие, страшенькие, летучие. Они охраняют души. И тоже переговариваются. Большею частью ехидничают и пересмеиваются. Похоже, бесы.

Летящие души — журналисты. Это Лиде совершенно ясно. Меж ними даже мелькают газетные строчки, куски текстов, «шапки» газет. Но разобрать, что это за газеты — невозможно.

Лиде жутко. Она не может понять, что это за компания и как она тут очутилась, с какой стати. Ясно, что души журналистов — не русские. И тексты мелькают на латыни, и переговариваются они не на русском. Но Лида понимает, что они говорят.

Люди очень умные. И разговоры у них — умные. Все — мужчины. Кто-то что-то сказал о морали, и один из бесов сразу съехидничал: «Ага, такая же мораль как в...» — и произнес аббревиатуру. Лида не запомнила ее, но были там буквы «N» и «Y». Может, «Нью-Йорк таймс» имел в виду. Впрочем, утверждать бы не стала.

Она летит, слушает умные разговоры, хихиканье существ, и не может понять, как и за что тут оказалась. И вдруг сквозь толщу облаков и сизой воздушной массы все летящие увидели внизу огонь. Что-то вроде огненной воронки. Страшно заверещали бесы! Заорали радостно, завопили и с визгом, увлекая за собой своих пленников, ринулись вниз, к воронке.

А Лида осталась... Более того, от ужасного, оглушающего визга она проснулась и села на кровати. Сердце колотилось, было жутко. Она пошла в туалет, включила свет и оставила дверь открытой, чтобы лампочка освещала и комнату.

Дочка и сын спали. Лида же понимала, что заснуть не сможет, а потому закрыла крышку на унитазах, села сверху и задумалась. Вот что это за сон? Совершенно ясно, что вещей. Но зачем ей это показали? Она — журналист честный.

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске и работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года живет в Торонто. С 2004-го по 2017 год издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является собкором «КП» в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»).

И, видимо, кто-то это знает, иначе бесы увлекли бы и ее, Лиду, в воронку. Но ее отпустили, показав, однако, трагедию коллег. Страшно.

Лида вышла из туалета и пробежала на цыпочках по комнате гостиничного номера, мимо спящего двадцатилетнего сына и маленькой дочки, к окну — большому, от потолка до пола. Бесшумно отодвинула занавеску. За окном было темно, слегка лишь угадывались пальмы, и слышен был шум океана.

Куба. Сиверцева любила сюда ездить. Это самое дешевое и близкое к Канаде, где Лида жила уже почти двадцать лет, курортное направление. Куба — это рай. Бирюзовая теплая вода, прозрачная настолько, что, стоя в ней, видишь свой педикюр вплоть до наклеенных на ногти бусинок. Мягкий песок, пальмы с кокосами и бананами, настоящее парное молоко в барах, где подают кофе, и — полная безопасность, обеспеченная Фиделем. А еще кормят туристов как на убой. Хотя сами кубинцы живут очень бедно и питаются скудно.

Главное же на Кубе — это люди. Есть большая разница — ездить ли на отдых в страну, которую не уважаешь, или в ту, которую чтишь. Сиверцева любила Кубу за ее негибимость, стойкость, отчаянный романтизм и стремление утвердить...

Свое право на независимую политику.

Свое право не быть американским борделем, каким была она при Батисте.

Свое право оставаться советской страной со всеми советскими ценностями, в то время как СССР разрушен и огромная, безбрежная шестая часть суши капитулировала.

А Куба не сдалась. Хотя, боже, как ее измучили! Едешь от аэропорта в отель и видишь лачуги без окон, без дверей, с торчащей посередине лампочкой-бульбочкой на шнурке. К вечеру, когда начинает смеркаться, люди выходят из лачуг и доделывают свою домашнюю работу при остающемся еще дневном свете: экономят электроэнергию.

— Вы не обижаетесь на нас, русских, что бросили вас? — спросила как-то Лида девушку-экскурсовода.

— Нет, — ответила та. — Нам поначалу, конечно, было очень трудно. Все наши предприятия зависели от СССР, вся наша жизнь. И вдруг нас бросили. Но это сделало нас сильнее. Мы научились жить, ни у кого не прося.

* * *

На отдыхе смотреть телевизор — грех. И Лида его не смотрела всю неделю вплоть до того дня, который наступил после ночи со страшным сном. В этот день, уже накупавшись, вся семья лежала на двух больших кроватях в номере и ничего не делала. Бездельничали. Блаженство.

Включили телевизор, а там рассказывают, что террористы расстреляли редакцию журнала «Шарли эбдо». За богохульство.

Лида сопоставила время. Когда на Кубе была ночь, в Париже был день. Стало быть, она увидела, как журналистов волокут в ад, когда их во Франции расстреляли...

Сказала сыну. Разволновалась:

— Ты мне не веришь? Я видела, что журналистов поволокли в ад...

— Хо-хо, — усмехнулся сын. — Мама чертей видела...

Восьмилетняя дочка, как обычно, не проронила ни слова. У девочки был аутизм. Не в тяжелой форме, но и не в легкой. Она почти не разговаривала. Только если что-то требуется, называла то, что ей нужно: «кушать», «сыр», «гулять», «спать». Слова в предложении соединять не могла. Что-то было нарушено в речевом центре. При этом она вовсе не была угрюмой или ушедшей в себя, как принято думать об аутистах. Это было улыбчивое, веселое солнышко. Молчаливое просто.

Когда Лида рассказывала сыну сон, дочка занималась своим делом — рассматривала картинки в книжке. Не слушала вроде бы. А коли и слышала, вряд ли поняла бы. Она ведь даже не знает, что такое «журналисты», «расстрелять», «богохульство».

Но через некоторое время девочка подошла к матери и произнесла:

— Крестики, нолики.

— Что? — привлекла ее к себе Лида.

— Крестики, нолики, — повторила девочка.

— И что? Хочешь играть?

— С крестиками борются нолики, — сказала девочка и отвернулась, дав понять, что разговор окончен.

Мать и сын переглянулись: это было первое предложение, сказанное девочкой за всю ее жизнь. Брат подошел и обнял сестру:

— Таня, ты молодец. Ты хорошо сказала. Ты сказала целое предложение.

Он закрыл глаза, чтобы скрыть проступившие слезы. Вся семья — он и мама, а также бабушка — ждала каждый день, что девочка начнет говорить, как все. И даже всем им это снилось.

Парень обнимал сестру, а девочка смотрела куда-то поверх него. Но Лида теперь знала, что за этой безучастностью спрятано внимание. Она была взволнована и тем, что девочка сумела склеить слова в цепочку, и тем, что именно она сказала. Значит, не все так плохо, как ей казалось. Значит, интеллект сохранный, как и говорили врачи.

* * *

Человек двадцать журналистов сидели в роскошном холле московской гостиницы и пили водку. Это было ночное развлечение Лиги зарубежных русскоязычных СМИ. Собирающей на конференцию работников пера и микрофона со всей планеты. Пили уже четвертую ночь подряд.

К столику, уставленному снедью — бутербродами, мясной и овощной нарезкой, а главное — многочисленными бутылками водки, вина, пива, коньяка, шампанского, подошел бывший правдист, ныне проживающий в Афинах. Довольно окинул взглядом столик, потер руки:

— Мне нравится этот семинар!

И вытащил из рюкзака две бутылки виски под одобрительные возгласы. Народ сдвинул столики в середину своего большого круга и издали напоминал героев сказки «Двенадцать месяцев», греющихся у костра. Но говорить на такой большой круг было сложно, потому все разбились на компании и беседовали меж собой.

Лида Сиверцева слушала то одних, то других.

— А у нас в Арабских Эмиратах, когда был кризис с Катаром, правительство объявило, что все жители, которые из Катара, в сорок восемь часов должны покинуть страну, — делился парень слева. — Вы только представьте себе: таковых — тысячи! И у них дома, бизнесы. Все это они должны бросить и с детьми — на выход. Остальным жителям Эмиратов запретили говорить о Катаре, в том числе в Интернете. Наказание — штраф, тюрьма, депортация.

— Даже граждан депортируют? — поинтересовалась Лида.

— Да там граждан кот наплакал, — пояснил «араб». — Основная масса населения — иммигранты, которые каждые три-четыре года обновляют вид на жительство. Что заставляет их сидеть набрав воды в рот. Власть очень следит за имиджем страны. Вот если вы напишете то, что я говорю, с моим именем и фамилией, мне не поздоровится. Вы не представляете, какой в стране тоталитаризм... Эмираты очень следят за тем, чтобы о них в мире не писали ничего плохого. Но вы пишете все как есть, просто имени моего не называйте...

Лида обернулась направо. Там шел разговор о сексуальных новшествах в Амстердаме. Хозяйка русскоязычной газеты Анна рассказывала:

— Есть у нас театр, где показывают секс живьем. Но это еще цветочки! Я пришла на представление по классическому произведению и увидела такое... Ну, что они там с голыми задницами и передницами бегают по сцене — это полбеды. Секс — тоже. В конце спектакля актриса забралась на столик, подняла юбку, чтобы мы все видели, что под ней ничего нет, и пописала на стол... А мужик-актер стал это слизывать!

Все ахнули. Потом потянулись к бокалам. Такое надо было запить, чтобы забыть.

— Я написала в Министерство культуры жалобу, — продолжила Анна. — И пришел ответ. Мы, мол, тоже осуждаем, но это свобода творчества.

— Я тоже недавно жалобу написала, — вступила в разговор журналистка из Италии, Ирина. — Смотрели с подружкой программу российского телевидения. И там какой-то хлыщ совершает экскурсию по Москве. Идет около Кремля и говорит: «Здесь чувствуется дух Италии», поясняя, что Кремль строили итальянцы. Потом идет еще мимо каких-то зданий и говорит: «А здесь дух Голландии». Потом пришел в туалет и заявляет: «А вот тут — русский дух». Я написала жалобу, моя подружка тоже. Его сняли. Но редактора-то, который это пропустил, оставили!

Она говорила о канале, которым некогда владел жирный, похожий на гуся олигарх. Работало там множество русофобов, один из которых, похожий на мокрицу и вечно причмокивающий, сбежал в итоге на Украину и работал на ее новый режим.

— Сняли? — удивилась Лида. — Это уже результат. Могли бы наградить. Ну, коли речь пошла о жалобах, то и я вам расскажу...

И поведала, как она, устав от доносов канадских бандеровцев и русскоязычных русофобов, написала в соцсетях, что составляет списки всех, ненавидящих Россию, и собирается послать их в российский МИД, чтобы им не давали визы в Россию. И как же они напугались! Ведь с Россией и бизнес связан, и любовницы там, и вообще погулять, душой отдохнуть, канадские деньги прокутить с восторгом — все в России. В общем, некоторые замолкли, другие же, и смех и грех, начали писать там же, в соцсетях, что-де они не против России, а исключительно против Путина.

С какой-то злой радостью наблюдала она за попытками русофобов оправдаться. Лида и ее друзья — те, кто организуют в Канаде Бессмертные полки, кто не раз стоял на митингах против войны в Донбассе, наизусть помнили каждое высказывание негодяев о русском народе, о православии. И даже на всякий случай вырезали и складировали. Пусть будет. (Потом ведь, когда Россия окончательно окрепнет, говорильщики отрекутся от своих слов и прикинутся патриотами.) Русофобы оправдывались через соцсети и свои газеты, не понимая, что их борьба с Путиным для русских — это борьба с Россией. Он пришел в 2000-е, как Илья Муромец, и прогнал идолище поганое. И за него молилась в церквах и дома вся русская православная эмиграция.

— Я к чему говорю, ребята, — заключила свой рассказ Лида. — С врагом нужно всегда делать то, что он делает с тобой. А с тобой он делает то, чего сам боится. То есть сначала по его угрозам и поступкам выясняете, что для него страшно...

— Стоит ли падать до их методов? — задумчиво произнес журналист из Стокгольма, который, казалось, по всем поводам был в сомнениях. Лида про себя называла его Нудным.

— Зло побеждается злом, — ответила она. — Фашистов в войну ведь не проповедью усмиряли.

— Православие учит прощать врага, — укорил ее собеседник.

— Оно учит прощать личных врагов, а не врагов Отечества.

Лида помолчала и добавила:

— На Востоке говорят: миловать злых — значит притеснять добрых. Но я понимаю о чем вы говорите. Зло злом действительно побеждается. Тебя ждет просто три-

умфальная победа. Полный разгром врага, потому что он от тебя, честного и доброго человека, зла не ждет. Напротив, рассчитывает, что ты — горноста́й, который даже при угрозе смерти в грязь не прыгнет... Вот тут-то ты его и оглоушишь. Таким же доносом. Такой же клеветой. Но тут есть проблема... Ведь если так раз за разом... Ты и сам можешь превратиться в зло. Вот в чем печаль-то... Потому права, конечно, Церковь. Но без наказаний все равно не обойтись. Солдат убивает в войну — разве он соблюдает заповедь «не убий»? Судья сажает кого-то пожизненно, обрекая на мучения. Но куда деваться? Царь вешает бунтовщиков, удерживая страну от бездны революции, гражданской войны и иностранной интервенции... Все они совершают зло, чтобы избежать еще большего несчастья.

Лида говорила, и лицо ее горело. Видно было, что она не раз думала на эту тему — все ли средства хороши для борьбы.

— Непонятно, что делать, друзья мои, непонятно, — заключила она. — Вот так идешь на ощупь... Сверяешь. Совесть свою. Пользу общественную. И действуешь по обстоятельствам...

Все молчали, думали. Пролетел тихий ангел. Но недолго ему пришлось летать. К компании подошел репортер из Алма-Аты и, радостно оглядев батарею бутылок и томные лица коллег, резюмировал:

— Ребята, да вам сносу нет!

Все зашумели и стали требовать нового тоста. В центр круга выпихнули Георгия, абхазского журналиста. Старый, маленький, сухонький, морщинистый, с большим носом и зелеными слезящимися глазами, он чем-то раздражал Лиду. Думалось: вот что он ездит, еле ходит уже, а все таскается по мероприятиям. Лида тут же осуждала себя за раздражение на человека, который ее ничем не обидел, но оно все равно присутствовало.

Георгий не пропустил ни одной попойки. Более того, всегда приносил канистру с абхазским вином, собственноручно сделанный сыр и орехи фундук. Совал их всем в карманы и сумочки скрюченными старческими пальцами. Позже Лида узнала, что пальцы были перебиты в грузинском плену. Во время абхазо-грузинского конфликта Георгий был разведчиком. А сейчас выпускает аж две газеты, практически в одиночку.

Старик поднял бокал и сказал:

— Россия — как могучая река. А мы все — маленькие речки. Если она пересохнет — нам смерть. Так выпьем же за то, чтобы она всегда была мощной, полноводной, не прекращающей своего движения вперед!

Все одобрительно закричали, потом стали пить. У Лиды упало сердце. Она подошла к Георгию и обняла его. Себя мысленно обругала.

Пока она обнимала Георгия, на ее место сел телеведущий из Петербурга и стал хватать за колени журналистку из Азербайджана. (Русские мужчины в этом неленивы и любопытны. Им всегда интересно: а как вот у этих? Исследователи, первопроходцы по своей натуре.) Лида села на другое место. Там спорили: давать или не давать российское гражданство эмигрантам. Эмигранты были, разумеется, за, а известный репортер Степан Петров из Таллина — против. В стельку пьяный, но, как и многие журналисты, не теряющий при этом ясности мысли, Петров вещал:

— Вы свалили, когда было трудно, значит, не имеете права... Вы предатели.

— Вот с...! — ласково тянули оппоненты. — Ты сам-то где живешь? Не в Костроме ж.

— Я живу на территории Советского Союза, — пьяным языком ворочал Петров. — Я никуда не уезжал. Где жил в советское время, там и остался. В трудные времена извозчиком работал. Но не уехал.

— Потому что у тебя возможности не было, — заметили ему.

— Нет. Потому что я русский. А вы — свалили. Но вам собираются дать российское гражданство, которого нет даже у меня! Я воюю с нацистами, я не бросал свою Родину,

а мне не обещают. Нас бросили, забили на нас. И мы там одни среди нацистов. А вам собираются гражданство дать. За что?

Лида быстро рассказала Петрову за что. Рассказала, как в 2014—2016 годах эмигранты в Канаде стояли на митингах за Донбасс, как проводили благотворительные акции и посылали одежду туда тоннами, деньги — десятками тысяч, как писали письма на английском в канадский парламент, рассказывая, что на самом деле происходит на юго-востоке Украины, и прося не помогать киевскому режиму. Как шли тысячными толпами на парадах Бессмертного полка.

— Мы любим свою Родину, понимаешь?— втолковывала Лида. — Как ты можешь требовать, чтобы нас лишили гражданства или не давали его нам? Мы же русские. Мы не предали ни разу! Да, уехали, но жрать нечего было, мне в моем корпункте во Новосибирске зарплату три месяца не платили...

— Подумаешь, три месяца! Многим по полгода не платили!

— ...А я одинокая мать. Что такого, если я поехала заработать? Меня мама умоляла уехать, плакала, ребенком в лицо тыкала: «Ты его своей газетой кормить будешь?» Если помнишь, после дефолта 1998 года все говорили, что вот-вот наступит голод... И народ бегал по магазинам, скупал крупу и консервы. Я помню эти дни... Я сидела у окна и смотрела, как бабушки везли продукты в сумках на колесиках. А у меня не было денег, чтобы купить продукты не только впрок, а вообще. Мне продукты мама приносила. Да, я осталась в Канаде, вышла замуж за местного. Казнить меня, что ли, за это? Но Родину я не предавала! И другие тоже... Если б ты видел наших активистов! Я теперь поняла, какие это были люди — партизаны в Великую Отечественную. Мои друзья, которые проводят парады Бессмертного полка в Торонто, Ванкувере, Калгари, Монреале, — вот они, пассионарии, которые в войну ушли бы в леса и стреляли оттуда по врагу...

— Ладно, — согласился Петров. — Пусть у вас будет российское гражданство. Я не против. Но все-таки я его больше заслуживаю. Я не уезжал. Таким, как я, русским, оставшимся на территориях республик СССР, должны давать гражданство в две недели...

— Согласна, — кивнула Лида.

— Лидка, хорош спорить. Давай я тебе лучше анекдот расскажу, — произнес Петров, наливая ей водки. — Слушай. Четвертый час идет концерт Сибелиуса. Один мужик поворачивается к рядом сидящему и спрашивает: «Извините, пожалуйста, это не вы сейчас сказали: „Е... твою мать!“»? Тот говорит: «Нет, это не я». — «А-а-а, значит, мuzzyкой навеяло...»

Услышавшие анекдот хохочут. Лида тоже смеется. Петров внешне похож на пьющего. Худой, с глубокими морщинами на лице, всегда в невзрачной кацавейке со множеством карманов. На завтраке и обеде сидит за столиком один и ест, как ребенок в детсаду — сосредоточенно и серьезно. Лида думает, что, скорее всего, жены у него нет. И такую горячую и вкусную, приготовленную по-домашнему еду он видит нечасто. По ресторанам не находишься, какая там у него зарплата в Таллине? Какая вообще у них у всех в эпоху Интернета и отмирания бумажных СМИ зарплата?

Не бросают свои газеты и журналы из любви к делу. Хотя не бьют себя в грудь, как актеры, что служат, а скромно называют свою опасную, на лезвии бритвы, деятельность работой.

Петров за трапезой всегда один, и только ночь увлекает его в разгульную компанию, где он нередко становится ее душой. Обыватели представляют смелых журналистов другими. Какими-то более лощеными, что ли. А Петров на самом деле герой. Он уже и в тюрьме эстонской сидел. За «русскую пропаганду». Точнее, за то, что его поймали местные нацисты — молодежь со свастиками-татуировками — и хотели избить, а избил он их — троих бритых. Потом судили его за «прокремлевские» статьи, смысл

которых был исключительно в сопротивлении неонацизму и защите памятников советским воинам, а также в защите русского языка.

Рядом с ним без конца опрокидывал в себя рюмки водки журналист Виктор Лепый. Человек талантливый и пользующийся повышенной популярностью у женщин. В 90-е, когда чеченские боевики захватили больницу в Буденновске, он предложил в заложники себя. Вместо двух беременных женщин.

К счастью, остался жив.

Не было среди всех Дулата Тулегенова, еще одного коллеги Лиды, с которым она работала много лет назад. Казах Дулат был правдолюб и правдоруб. Открытая душа, смеющиеся глаза, болезненная щепетильность в вопросах чести. В конце 90-х его выкинули из окна. На столе оставили журнал, раскрытый на странице о самоубийствах, — намекали, что сам решил свести счеты с жизнью.

Лида тихонько, никому ничего не говоря, чтобы не портить людям настроение, выпила за Дулата. Потом за двух знакомых из «Комсомолки», убитых в 90-е. «Спите спокойно, ребята. Мы работаем».

А остальной журналистский цех продолжал веселиться, и двое, устав сидеть, разлеглись на холодном, красивом, белом мраморном полу и кричали проходящим мимо постояльцам отеля, которые смотрели на них с доброй усмешкой: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! Живые классики лежат!»

Причем лежали действительно классики. Известные военные корреспонденты.

* * *

А были ли среди выпивающих в ночи по-иному настроенные граждане? Были. Но мало. Человека три. Все из одной заграничной телекомпании. Они молча пили, улыбались, вступали в разговоры не о политике. Им была противна Россия, русские, Путин. Но им нравились халявное проживание в дорогих гостиницах и бесплатная ресторанная русская еда. Потому они были здесь.

Они ни с кем не спорили. Понимали, что их мало. Но тут к ним неожиданно явилось счастье в виде Александра Лохматого.

Он был известным либеральным журналистом. Лохматый, как и они, тоже любил халяву и не пропускал патриотических мероприятий — ни сборов Лиги русскоязычных СМИ, ни заседаний «Русского света», ни конференций «Сограждан» и прочих. В чем был смысл приглашать его, никто не понимал. Скорее всего, действовало московское кумовство. Знакомые звали знакомых на свои мероприятия.

Лохматый пил, ел и был заметно весел. Потому что одни кидались к нему как к знаменитости, и он ощущал себя звездой, другие смотрели с ужасом, и это ему тоже льстило. С год назад он, ведущий радиостанции «Вехи судьбы», ненавидимой народом, стал еще и журнал издавать — «Культура России». Там он прославлял все то, что мерзко русскому человеку, и гнобил настоящую русскую культуру. А квадратомалевичную прославлял. Заодно переписывал историю на свой лад.

Журнал его имел особенность. У него были две обложки. Одна надевалась на другую. Это было военной хитростью. На надевающуюся на журнал бумажную обложку (такие иногда есть у книг) выносился какой-нибудь самый безумный материал, вроде «Дмитрий Донской был психопатом». Но если редакция, распахившая свое творение по киоскам страны, видела, что продажи замедлились, эту обложку снимали и показывали вторую, приличную: интервью с какой-нибудь звездой эстрады.

Звезды были всегда липовые, но иных на российской эстраде, как известно, после падения СССР почти не держат.

Лохматого ругали в комментариях на его сайте, материли последними словами в соцсетях, но он оставался на своем посту, а потому ему было ужасно весело наблюдать,

как большой народ ничего не может с ним делать. И всякий раз через «Вехи судьбы» и журнал он уедал его все больше и с наслаждением смотрел, «че будет».

Народ недоумевал почему власть не прикроет радиостанцию — и обреченно осознавал: ай, моська, знать, она сильна... Знать, стоит за ней кто-то, с кем правительство не хочет связываться.

Лида смотрела на Лохматого и понимала, что бесы в итоге поташут и его...

Итак, он явился среди ночи неожиданно, как его собрат из табакерки. Сел и начал вещать. Говорил не о политике, а о своем журнале. Пиарил его. Дескать, продаем сорок тысяч в месяц, дело прибыльное, проект чудесный, деньги текут рекой... Все молча слушали детали, пытаясь уловить рецепт успеха. Лида же, пролистав журнал, увидела, что он скучен. Какие-то схемы, родословные, генеалогические древа... Заголовки не цепляли, темы тоже, буквы были слишком мелкими, а текст — убористым. То есть прямой речи практически не приводилось, а только свое «бу-бу-бу». Лида поняла, что Лохматый лжет. Проект терпит крах, и он явился, чтобы продать некупающийся журнал лохам-коллегам.

Лохматый, посмеиваясь в обычной манере подлого человека, тряс седыми патлами и размахивал руками, рассказывая, какие барыши идут от продажи его продукта... Похоже, он хотел, чтобы журналисты из США, Канады, Европы и Австралии подписали с ним контракт и стали закупать его творение, осуществляя, разумеется, предоплату. Таким образом он избавлялся бы от тиражей, кои в розницу не продать, и заодно распространял бы ложь о России и в других странах, среди эмигрантов.

Лида начала тихонько разговаривать с журналисткой, которая тоже не выглядела заинтересованной.

— Девочки, тихо! — прикрикнул на них издатель из Лос-Анджелеса. — Мы хотим знать про этот бизнес-проект!

Накануне Лида беседовала с ним, живущим с ней на одном континенте, о том, что русская и украинская общины Канады разделились в последние годы. Раньше сотрудничали, а после событий на Украине сотрудничество почти сошло на нет. И в ее газету, например, украинцы объявлений не дают. В их газетах русских рекламодателей тоже негусто.

— А как у тебя? — спросила Лида.

— А мы проститутки, мы у всех берем! — лихо ответил издатель.

Сейчас он внимательно слушал: не взять ли и у Лохматого.

— Последняя наша статья — о Жукове, — сказал Лохматый. — Вы представляете, он, оказывается, не георгиевский кавалер! Не было у него Георгиевского креста, все это ложь. Мы не нашли никаких документов, подтверждающих, что у него такой крест был.

— То есть вы не нашли, значит, его не было? — громко спросила Лида.

— Так никто не нашел! — радостно ответил Лохматый. — О его кресте известно только со слов дочери. А почему мы должны ей верить?

— А почему мы должны верить вам? Вы плохо искали. И вообще, Первая мировая была давно, документ мог потеряться.

— Нет, нет! На других георгиевских кавалеров бумаги есть, а на Жукова нет! — веселился Лохматый. — И мы скоро об этом сообщим!

— Кому нужна такая правда? — загундел Нудный.

Лохматый обрадовался. Он опустил слово «такая» и закричал:

— А я люблю правду! Что значит кому нужна правда? Она всем нам нужна! Я всегда говорю правду!

— Это неправда, — громко сказала Лида. — Вы лжете сейчас, и вы лжете в каждой вашей передаче. И это все знают!

— Что, что я лгу? — весело обернулся к ней седой бес. — Приведите примеры.

— Я не учу наизусть ваши передачи. Я их уже и не слушаю, так как слушать вашу радиостанцию — себя не уважать. Но я помню, что там было всегда... И вижу по публикациям в газетах, что вы продолжаете издеваться над страной.

— Но против правды не попрешь: Жуков — не георгиевский кавалер!

— Вы что, действительно думаете, что ложью заставите народ разлюбить Жукова? Думаете, выдернули его из святцев? Да не смешите! Мы любили его и любим, народ лишь еще больше возненавидит вас! — Лида тоже говорила на повышенных тонах, при гробовой тишине вокруг.

Потом они с Лохматым орали друг на друга. При этом обоим было смешно. Лохматому — потому что он разозлил патриотку, а Лиде — потому что она на самом деле не пыталась усюветить его или переубедить. Она показывала толпе коллег, что так можно — нападать на знаменитого врага. Что не надо стесняться, надо припечатывать нечисть при любой возможности, костерить и обличать, не заглядывая в табель о рангах.

— Но документов о его награждении нет! — снова взмахнул руками Лохматый.

— Так ваш дружок Потапенко их и сжег! — рубанула Лида. — Я еще пару лет назад говорила, что Потапенко не место у российских архивов, что человек с такими убеждениями может продавать важные бумаги за рубеж, подменивать их и уничтожать...

Лида действительно пару лет назад, на заседании еще одного российского форума, выступила против либерала, занимающего высокую государственную должность и имеющего доступ к архивным документам. Этот человек, Василий Потапенко, постоянно давал интервью газетам, уверяя, что такого-де подвига в войну не было и такого... И Зоя Космодемьянская, по его словам, была психбольной, и Матросов самоубийцей-психопатом, и поклоняться могилам советских воинов — неправильно, потому что «на самом деле там немцы лежат, всех в кучу хоронили», и Сталин «за русский народ выпил зря, так как победил советский». Не о славе казахов и адыгов он, конечно, беспокоился. Главным было — «за русский народ — зря».

Тогда все после речи Потапенко сидели, будто языки проглотили. Были потрясены. Но молчали. Думали: может, показалось? Может, он имел в виду другое? Переглядывались. Ну и не знали, что делать, не бросаться же в драку перед множеством видеокамер, форум освещался главными каналами России. Ведущий уже собирался было перейти к другим вопросам, как Лида попросила слова.

И разнесла Потапенко в пух и прах. Пригласила его в Канаду. Сказала: «У нас там много последователей Бандеры. Там ваши речи пойдут на ура». И ей стали аплодировать, и остальные тоже стали выступать против Потапенко. Опомнились.

В том случае Лида тоже не собиралась перевоспитывать негодяя. Она показывала, как нужно вести себя, когда оскорбляют твой народ. Не надо стесняться, не надо думать, что ты ослышался, считала она. Нужно волчьими зубами вцепиться в глотку врагу. А там будь что будет. Как правило, враг не ждет прямого и громкого ответа. Он привык, что смолчат...

Потапенко действительно оказался не готов к отпору. Он покраснел, заметно разозлился, и беспомощно отбrehивался.

Но скандал уже ушел в эфир. И в итоге через пару месяцев, в течение которых, как сообщали газеты, с ним разбиралось вышестоящее начальство, Потапенко сняли с должности. Лида, чтобы ускорить этот процесс, опубликовала в центральной российской газете статью о фальсификаторах истории, приведя цитату из Сервантеса: «Лживых историков надо казнить, как фальшивомонетчиков».

— Ваш друг Потапенко и уничтожил наградные бумаги Жукова! — пригвоздила она Лохматого.

И понеслась, не слушая:

— Вы лживый журналист! Вас ненавидит вся русская Канада!

- Да какое мне дело до русской Канады?
 - Вас ненавидит и вся Россия! — азартно прокричала Лида.
 - Ребята, успокойтесь! — влез снова издатель из Лос-Анджелеса.
 - Я пишу правду, и только правду! — вопил Лохматый.
 - Вы живы только благодаря Жукову!
 - Я жив благодаря своим двум дедам, которые воевали, — обрадовался Лохматый.
- Видимо, этот аргумент ему уже приводили, и у него был заготовленный ответ.
- А мы не нашли справок, что ваши деды воевали, — сообщила Лида. — И вообще, жаль, что Сталина нет, он бы вас расстрелял.

* * *

— Зачем ты это сделала? — спросил Петров. — Вот на фига ты с ним спорила? Ты же видишь, что ему ссы в глаза... Ему пофиг.

— Никому не пофиг. Ты знаешь, как все ненавидят Розберга, и тот тоже делает вид, что ему это все равно. Но однажды, я видела, в интервью грустно сказал, что его везде ругают, осыпают проклятиями...

Лида говорила об известном телеведущем, обладателе паспортов нескольких стран, который, любя все эти несколько, но только не Россию, о чем не раз говорил в интервью, почему-то работал именно в Москве. Вел передачу, на которую приглашал то известных либералов, и там они, во всем друг с другом соглашаясь, костерили и российскую власть, и веру, и нравы, то приглашал государственных чиновников, священников. Подготовив каверзные вопросы, ехидно, аки змий, задавал их, пытаясь уличить во лжи, в непрофессионализме, в невежестве. Государственники и священники, надо отметить, выходили из поединка с честью. А одна депутат-патриотка так просто словесно отпинала Розберга, не употребив при этом ни единого бранного слова. Взяла старого беса за дряблую выю и мотала из стороны в сторону, к восторгу миллионов.

— Все человеки, — заключила Лида. — Даже русофобы. И всем хочется любви. Они храбрятся, изображают, что их радуют проклятия. На самом деле настроение у них портится, они просто этого не показывают. Вот и Лохматый... Не знаю, как он по улицам ходит. Думаю, он просто не рассказывает, что ему плюют под ноги... Я всегда за то, чтобы у таких земля под ногами горела.

Помолчала. Подумала.

— Если невозможно заставить Лохматого эмигрировать, если нельзя в тюрьму посадить, давай хоть ауру ему порвем, что ли, — засмеялась. — Понимаешь, в русском народе плохо то, что он в мирное время не умеет за себя постоять. Терпит все, сомневается, правильно ли понял, не показалось ли ему, стесняется устроить склоку, в общем — менжует, как говорят уголовники. А ты обрати внимание, как ведут себя чеченцы. Никто против них и пикнуть не смеет. Вот и нам надо... Хотя... понимаю, конечно, что у нас закваска другая. И если русские начнут вот так же на все бурно реагировать, то растеряют земли, перестанут быть имперским народом, начнется смута. Наш народ именно снисходительным терпением себя обрел.

— Ну так что ты тогда?

— Но огонька все же следует подбавить. В девяностые наша славянская наивность, наше терпение привели к ужасным последствиям. Вот так же смотрели на Ельцина и камарилью и удивлялись: как же так можно? Слушали, как по телевизору нас русскими подонками называли, а Россию — «эта страна»... Миллионы погибли, миллионы не родились. Мы были под самой настоящей оккупацией, но сами себе не верили — как такое может быть? Танков же нет, у правителя русская рожа. А надо верить своим ощущениям. Не бояться нанести удар первым. Замешкаешься — и уже поздно.

— Знаешь, — продолжила Лидия. — Вот кавказцы по России всей расселились, то там, то сям они то лезгинку танцуют, то еще что... Об этом пишут в газетах... В общем, с одной стороны, трения, где-то и поножовщина, плохо. А с другой, в перспективе... Кровь смешается с русской. Женщин-то у нас одиноких сколько в разных Иваново и Торжках... Русским не мешает вот этой природной легкой воспламеняемости добавить... Полукровки вырастут и будут с чеченским, дагестанским жаром защищать русский народ. Российский народ. По воспитанию будут русскими, а по умению дать отпор в мирное время — кавказцами. Если бы я была правителем, я бы тихой сапой поселила по русским городам горстку тех, горстку этих... Немного, чтобы не создавать очага напряженности, ну и соответствующие органы приглядывали бы за ситуацией... Чисто для придания русской крови воинственности...

— Надеюсь, на добровольной основе поселила бы? — с улыбкой спросил Петров.

— Ну а как же? Кавказцы, по-моему, с удовольствием селятся на исконно русских землях.

— А русские их там с удовольствием встречают?

— Ну, знаешь ли, нормально встречают. Помню, у нас во дворе, в Новосибирске, появилась в девяностые нерусская семья с Кавказа. Женщина с маленьким мальчиком. Бабушки на скамеечке спросили ее, откуда она. Та рассказала, что из Чечни, про бомбежки поведала, про то, как еды не было. И сразу все бабушки руками замахали: «Ну и правильно, что к нам приехала! Нельзя тебе там с дитем. Молодец!» — и даже помощь предложили — за ребенком приглядывать. Вот такой у нас народ-то... Если к нему с уважением, он — золото. А если, конечно, приехать и рынок захватить, и всех местных оттуда выдавить, то тут да, протест будет...

— Постой, ты сама-то русская? — вдруг заподозрил Петров. — Че-то больно боевая...

— Ну как тебе сказать? — улыбнулась загадочно Лида. — Мама русская. А по отцу бабушка татарка, дедушка чеченец. Сиверцева я по мужу.

Петров расхохотался.

— Лидка, ну ты актриса. Таких, как ты, если разводить, они ж... они ж...

— Дурак ты, — заключила Лида. — Если таких, как я, развести, русский народ будет защищен от всех бурь и невзгод. Мы его шкурой врага прикроем от дождя и снега. Шкуру с врага сдерем лично, своими руками. Не менжуйся... А вы сидели все и молчали, когда Лохматый Жукова костерил.

— Потому, что наплевать на то, что он говорит. Собака лает, караван идет. Его басни никого не обманут, — сообщил Степан.

— Тебя, старого, не обмануть, а молодежь? — укорила Лида. — Подростки будут читать и верить... Нельзя сдавать свои позиции ни в чем. Маленькая течь топит большой корабль.

* * *

Лида верила в Бога. А почему? Да потому, что Они вели ее с шестнадцати лет. Кто Они? Силы небесные.

Но она почти никому о том не говорила — за сумасшедшую сочтут. Когда человек сам не сталкивался, не поверит. Лида и сама бы не поверила, кабы кто рассказал.

В 90-е было... Решила она на День Победы написать статью о летчике Покрышкине. О котором давно никто не писал. Потому что героические статьи о русском народе в то время были большой редкостью. Газеты, захваченные «демократами», предпочитали представлять народ перед ним же самим пьяницей, рабом и негодяем. Гнобили народное самосознание, внушали комплекс неполноценности. Периодически призывали каяться. Однажды Лида даже прочитала, что, оказывается, древнерусские князья

были гомосексуалистами. Вывод был сделан на том основании, что «в летописях гомосексуализм не упоминается, значит, он был в порядке вещей, распространен, на него даже не обращали внимания».

«И отец ваш — дьявол», — вспомнила тогда Лида. И подумала, что это было бы лучшей эпитафией журналистике 90-х годов. Служившей режиму, оккупировавшему Россию. Впрочем, там журналистов как таковых было не так уж много. Редакции перешли на самокупаемость, повыгоняли профессионалов, которым надо платить много, и наняли каких-то девочек и мальчиков — студентов, безработных. Платили им копейки, давая подлые задания. А те в силу возраста, необразованности, неопытности рьяно их выполняли. За право называться журналистом да за «два кусочка колбаски».

...Встретилась Лида с супругой летчика — красивой пожилой дамой. Но дама говорила все, как по-писаному: супруг-де был отличник боевой подготовки и замечательный семьянин. Лиде казалось, она не вдову слушает, а читает партийную характеристику... Вышла из квартиры Покрышкиных огорченной. Материал-то уже заявила, он стоял в планах у газеты.

Помолилась в душе. Попросила: «Господи, в газетах сейчас не пишут о героях... А народу надо... Помогите найти информацию!» И пошла в музей, устроенный в ПТУ, где учился будущий герой.

Там тоже света на его судьбу не пролили. Рассказывали скучно, по-казенному. И Лида поняла, что ее газета, большая, популярная, такую статью не примет. Нужны были новые, неизвестные факты и чуть-чуть желтинки. Ну что-нибудь премилое про его, например, отношения с женщинами или какую-то выходку, благо характер у него был рискованный и в гражданской жизни.

Это можно было бы бросить в заголовок для привлечения внимания читателя. Газеты-то на самокупаемости. А под желтым заголовком будет серьезная, проникновенная, честная статья.

— У нас есть копия фотографии молодого Покрышкина, — сказал мужчина, работавший в музее. — Возьмите себе для публикации.

Фото было большим, не входило в сумочку. И Лида повезла его в руках. Вошла в вагон метро, села, положила перед собой сумку и держала фото у себя на коленях в обеих руках. Не обратила внимания, куда лицом. Оказалось, к людям...

Грустила. Молилась. Просила Бога послать ей того, кто наконец расскажет что-то интересное... Очень уж хотелось, чтобы ко Дню Победы, когда вся демократическая пресса выйдет со статьями о штрафбатах, Смерше и «как немок насилывали», у нее вышло — о герое.

К ней под села женщина в песчовой шапке.

— Это у вас Покрышкин?

— Да.

— А я — дочь его лучшего друга. Мне папа о нем столько рассказывал!

Женщина наговорила море всего — и про его женщин, и про отношения летчика с сыном Сталина, и разное другое. Рассказала, что в детстве Саша Покрышкин с мальчишками любил прыгать с крыш сараев в снег. Надевал бабушкину широкую юбку поверх пальто и прыгал, как на парашюте.

Лида летела домой как на крыльях. Прижимала к груди фото. Благодарила Бога за помощь. И вдруг услышала:

— Санька, прыгай!

Обернулась. В нескольких метрах от нее, позади белых бетонных шестнадцатизэтажек, стояли черные деревянные сараи. С них-то пацанва и прыгала в снег. Кто-то кричал:

— Санька, дава-а-ай!

Все замедлилось, как в кино, закружилось. Лида стояла с широко распахнутыми глазами и смотрела, как почему-то медленно и плавно мальчишка лет двенадцати летит в сугроб...

— Санька-а-а!

Посмотрела наверх, улыбнулась:

— Господи, а ты шутник!

* * *

Отослала материал в редакцию. Переживала. Хоть и выходило все, что она писала, а все равно каждый раз волновалась, ждала. В основном потому, что газета большая, на всю страну, и к ней, корреспонденту в Сибири, люди обращались, конечно, за помощью по важным делам. И ее публикаций ждали те, кому она эту помощь оказывала. Для них выход статьи был жизненно важным. В данном же случае статья была важна, как казалось Лиде, для всего народа. Публикация была каплей русского сопротивления.

И вот ранним утром, когда только начинает светать, увидела сон. На главную площадь города, пустую, еле освещенную встающим солнцем, выходит статный военный в форме военных лет. Чиркнул спичкой, закурил и чего-то ждет...

Проснулась. Поняла. Что статья вышла. И он, Покрышкин, ждал ее.

Спустилась через несколько часов, когда открылись магазины, вниз, купила в киоске газету.

Так и есть, вышло!

* * *

И много было таких случаев. Когда помолилась, и нате! Вот тебе информация, вот тебе доказательства. Но Лида в ответ тоже не только спасибо говорила. Всегда обещала хорошее дело сделать кому-то и делала. Такой вот был заключен договор с высшими силами.

В эмиграции Они ее не покинули, а, казалось, еще ревностнее стали следить. Стоило ей несколько раз сказать своему ребенку (в ответ на вопрос кто был прав, красные или белые), что «у всех была своя правда», и разъяснить, в чем были правы белые, в чем красные (а Лида считала, что действительно правда была у тех и у других), как ее вызвали на ковер...

Оказалась она ночью, во сне, на какой-то будто бы планете. Поверхность как у Луны, тьма. Страшно, холодно и одиноко. Перед ней на камне сидит молодой человек в белом балахоне. Лида понимает, что это Ангел. Она видит его до мельчайших подробностей, хотя он метра в трех.

Ему на вид года двадцать три, простое, мягкое лицо. Курносый даже. И веснушки есть. Русые волосы до плеч. Он чуть поднял руки, и она не подошла, нет, а подплыла к нему, не переставляя ног.

— Никогда не говори больше, что у красных была правда, — сказал Ангел. Говорил без звука, мыслями.

Лида была готова на все, только чтобы не быть здесь. Ею овладела жуть. «Где я?» — подумала.

— Там же, где мы все, — ответил Ангел. Затем дунул ей на живот, туда, где пуп, и она проснулась.

Поняла тут же, что жизнь, оказывается, теплится не в сердце, а в животе. Потому и говорят: «Не жалея живота своего».

Второй мыслью было: «ОНИ, оказывается, за белых».

Следовало ожидать, не за Юровского же, царубийцу, Им быть. Но все же удивительно. Лида была советской женщиной, любила свою распятую Родину СССР и видела в советском строе много хорошего. В советском строе, не в большевиках, ясное дело. Они распяли Российскую империю. Они, подобно «демократам» ельцинского времени, все оболгали, оклеветали, всех надули и совершили антинародный переворот руками обманутого и малообразованного народа. Но СССР постепенно из большевистской бесовской страны вырос снова в Российскую империю. Народ перемолол бухарчиков, и чем дальше, тем больше советские чиновники из коммунистов превращались в государственников, в обычных чиновников империи... Со всеми ее недостатками — бюрократизмом, взяточничеством, но все же это были уже не большевики и даже не коммунисты, а обычные иваны Никифоровичи Российской империи.

И вот когда империя практически вернулась в свое прежнее состояние, большевики, именуемые ныне демократами и либералами, снова попытались ее разрушить. Назвав новую революцию перестройкой.

Впрочем, после своего сна Лида мало обо всем этом рассуждала. Она просто поняла: говорить, что у красных была правда, больше нельзя. ТАМ не хотят, чтобы она так говорила.

И еще: ОНИ все слышат.

* * *

Но следили не только Ангелы. Есть и вторая сторона. На нее Лида старалась не обращать внимания. «Чем больше ты вглядываешься в ад, тем больше ад вглядывается в тебя». Лида никогда не произносила даже имени, избегала... Не раз ей приходилось по работе сталкиваться с уголовными делами против сатанистов, и журналистка знала, что все ЭТО реально. Она видела, как тот мир расправляется с людьми из этого.

Боялась. Не прикасалась. Проповедовала в статьях христианские принципы (при этом статьи выглядели совершенно светскими), и ничего ей за это не было... Пока не дошла до вопроса о вреде сексуальных либеральных новшеств на Западе.

Почему-то именно это вызвало бурю в преисподней. И посыпалось... Лида до сих пор боится рассказывать, что было. Потому что удар был прямо в яблочко. Такой, после которого писать на эти темы ей расхотелось, хотя взглядов она не поменяла.

Накануне расправы, нисколько не думая о ней (Лида — занятой человек и вовсе не обитает в тонких мирах), так вот накануне они послали сон.

...Она идет по узкому городскому тротуару. Метрах в десяти впереди по обе стороны тротуара стоят сестры милосердия в платьях времен Первой мировой. Каждый проходящий мимо них получает нарисованный шариковой ручкой крестик на руку. Лида поравнялась с ними и решила: зачем ей эта мазня на руке — и прошла вперед. Потом остановилась, подумала и решила, что нехорошо — от креста отказалась. Она вернулась и протянула руку одной из сестер милосердия, и та начертала на кисти крест. А после подняла лицо и улыбнулась.

Это был не человек. Существо. Мерзкое, зеленоватого цвета. Большие слезящиеся глаза, гнусная улыбка, торжествующий взгляд.

Лида отошла и поняла: на ней поставили крест.

А после были неприятности. О которых она никому не рассказывала и не расскажет, потому что поверить в это невозможно. Ах нет, она, стуча зубами, тогда позвонила священнику. Боялась, что не поверит и он.

Но он, молодой и не по возрасту мудрый, сразу все понял и заговорил тихим, ласковым голосом. Лида не помнит, что он говорил, потому что ее поразило, что он поверил,

не счел ее сумасшедшей, и она думала только об этом: значит, они, священники, знают что ОНО есть. Наверняка знают. Они не удивляются. Запомнила только, что он просил ее быть осторожнее. Сказал, что силы зла сильнее ее, не надо с ними сражаться. Надо просто идти своим путем.

— Ни с кем не спорь, просто свидетельствуй, — сказал батюшка.

И еще Лида поняла, что вопрос о сексуальных свободах контролируется прямо оттуда... Куда полетели «Шарли эбдо».

* * *

А после все же написала. Не так хлестко, не так прямо, как раньше. Но.

«Война против человечества идет через разрушение христианской морали. Отменить молитву в госучреждениях, выкинуть рождественскую елку оттуда за то якобы, что она оскорбляет другие конфессии, переписать определение, что такое семья, создать новые виды семьи, пола, взаимоотношений между людьми, внушить, что истин много и «у каждого она своя», размыть самое понятие правды, назвать стыд комплексами, отобрать детей у тех, кто не хочет смириться со всем этим, — вот орудия этой войны, — писала Лида в одной из своих статей. — И когда вы встречаетесь с адептами этого нового мира, с теми, кто яростно проводит политику вырывания креста из рук, вы увидите... пустоту.

У нас, христиан, есть постулаты, запреты, посты, правила. У этих — нет ничего. Все позволено. Они это называют свободой. На самом деле это — ничто, пустота, ноль. Отсутствие чего-либо.

У нас есть за что умирать. Мы чтим семью, родную землю, веру. Они — граждане мира. Раньше назывались большевиками, социалистами, эсерами. Сейчас их кличут либералами, демократами, глобалистами. Семья у них — то, что они объявят семьей. Веры нет, родины нет. То есть снова ноль, пустота. Получается, мы противостоям большой черной дыре. Воронке, в которую нас пытаются втянуть...»

Лида озаглавила статью «Нолики борются с крестиками».

А российская светская газета, в которую она послала свой материал из Канады, его приняла. Замредактора на планерке пояснил, что принято в расчете на то, что развяжется бой меж верующими и атеистами. А стало быть, внимание, а стало быть, тираж... Но Лида знала правду: замредактора такой же боец, как она. Просто на более высоком уровне. И ему приходится скрывать свои взгляды так же, как скрывали древние христиане свою веру перед римлянами.

Не все ведь поймут. Есть служители Тьмы. А есть дураки.

* * *

Из письма Лиды Сиверцевой, посланного из Канады по Интернету жителю Таллина Степану Петрову:

«Ничего не меняется. Вся мировая политика — это непрекращающийся тысячелетиями спор: Он Сын или не Сын. Идти за Ним или против Него. Одни развязывают войны, узаконивают мерзости, сражаются против Него, другие этому противостоят, и лишь благодаря последним мир жив. И когда поймешь все это, жить становится грустно. Но во многом и проще. Потому, что, сделав единожды выбор, ты уже безошибочно определяешь во всем свою сторону, своих единомышленников, своих врагов, и нести крест становится легче. Тем более что время от времени кто-то поддерживает его сверху».

Ответ от Степана пришел быстро: «Лидка, это тост!»